

Дурная наследственность Аё

Валентина Ососкова

«...А явившись на твой зов в третий раз, чудовище заберет твое лицо — навечно!»

Наверное, если бы не крокодилья морда и ветвистые олени рога, Аё можно было бы назвать вполне симпатичным юношей. Но, увы, дурная наследственность!

Рога ему достались от прадеда по матушкиной линии — была у того такая неприятная особенность организма, встречающаяся у выходцев одного английского графства; ну а крокодилью морду с выразительными карими глазами Аё унаследовал от своего залетного египетского батюшки.

Впрочем, кровей, намешанных в Аё, хватило бы на целый этнографический атлас.

Если вы часто бываете в метро, вы наверняка его видели, а уж он вас — тем более. И зря вы думаете, что такого красавца невозможно не заметить! Аё не любит, когда на него пялятся, и, понятное дело, знает массу хитростей, как не привлекать к своей выдающейся внешности внимания.

Ну а если же ничего от чужих взглядов не спасает и вообще утро не задалось, Аё просто быстренько похитит чье-нибудь лицо. Он, все-таки обитающий в метрополитене монстр, а не кто-нибудь!

— Лицо украсть — дело нехитрое, — объясняет Аё вызвавшему его Никите. — Особенно если не навсегда, а так, поносить. Ловишь взгляд по-особому, тянешь его на себя и, как клубок за ниточку, все лицо себе и вытягиваешь. Я, конечно, не моя двоюродная бабка, чтобы прямо человека всего спрясть, но, правда, ничего сложного. А ты думаешь, почему в метро все сидят, опустив глаза, и ни за какие коврижки взглядом ни с кем не встречаются?

Никите десять, он ясноглаз и рыж, словно ирландец, хоть и коренной москвич. Никита вызвал Аё впервые и теперь слушает, открыв рот, под рев и стук поезда.

Вызвать Аё несложно. Достаточно завязать шнурки на левом ботинке хитрым двойным узлом, трижды позвать Аё по имени и зайти в последний вагон подъехавшего поезда через последнюю дверь. На следующей станции Аё в тот же вагон и войдет.

Только, пожалуйста, не зовите Аё в час пик! Представляете, как неудобно ему будет к вам протискиваться?!

— А ты зачем меня вызвал-то? — уточняет у Никиты Аё на всякий случай. — Ты учти, я не джинн и не фея-крестная. Я простой метрошный монстр... — По виду Никиты ясно, что он Аё не верит. — Эй, так зачем?

Удивительно, но в шумном вагоне Никита его прекрасно слышит. Вот только что ответить?

Сопит, вздыхает, потом честно признается:

— Да потому что это круто. Я вообще не верил до того момента, как ты, ну, в вагон вошел.

Аё вздыхает тоже, озадаченно чешет основание правого рога.

— Вот же дети пошли! Ну и чего тебе теперь от меня надо?

— Н-не знаю... О, а ты можешь из метро выходить?

— Ну разумеется! Смею заметить, ты тоже не круглые сутки дома сидишь.

— Тогда... может, проводишь меня? Ну, до дома от метро...

— По темному району?

Никита виновато сопит, как рыжий ежик. Кажется, это его первая реакция на любой вопрос. Аё же со свойственной истинным монстрам пронизательностью и капелькой доставшегося от прабабки ясновидения констатирует:

— Поздним вечером в пятницу полтора квартала мимо трех пивных ларьков и одного общежития. Замечательно! Куда смотрят твои родители?!

— Папа в командировке, а мама думает, что я у друга в соседнем доме... И в общем... Так проводишь?!

— Нет.

— Почему? Тебе-то что, ты же монстр! — с обидой в голосе возмущается Никита.

— Я, конечно, монстр, но мне категорически, подчеркиваю, категорически! запрещено волноваться перед сном! У меня тонкая душевная организация и хрупкая нервная система. И дурная наследственность. Одна моя тетка, двоюродная, и вовсе... Впрочем, не хочу о ней. Так что и не проси. — Аё скрещивает руки на груди и демонстративно отворачивается, чуть не снеся рогами шляпку сидящей рядом с Никитой девушки.

— Тоже мне монстр! — Никита зеркально повторяет его жест, хотя без оленьих рогов это выглядит не столь убедительно. — Монстр, который сам всего боится.

— И что? — не оборачиваясь, отзывается Аё. — Во-первых, не боюсь. Опасаюсь последствий. А во-вторых, люди меня сами должны бояться. А мое отношение — дело десятое.

— И вообще, два из трех ларьков уже будут закрыты, когда мы приедем.

— И что?

— И общага у нас тихая, там через дом от них — полицейский участок.

— Ну и?

— И автобусы еще ходят. От остановки идти всего пять минут.

— Вымогатель.

— Ну, я же тебя вызвал, и ты сам спросил, зачем!

— Учти, это первый и последний раз.

— Я больше не буду так поздно один ехать, честное слово!

ФАНТАСТИКА

Глаза у Никиты честные-честные, совсем как когда он стоял с родителями в кабинете у директора после того, как первого сентября в первом классе разбил стекло шкафа в кабинете. Лбом одноклассника.

— Первый и последний раз, первый и последний, — бормочет Аё всю дорогу до Никитино дома.

Вернувшись к себе, Аё долго отмокает в горячей ванне, капнув туда чуть-чуть аммиачного раствора «для аромата», мелкими глотками тянет настоем ромашки и слушает фортепианные сонаты Моцарта. К процессу отхода ко сну Аё относится крайне серьезно, особенно в таком состоянии, и все равно среди ночи просыпается с криком и отчаянной надеждой, что успел проснуться вовремя.

Вскочив, Аё лезет в холодильник, щедро смешивает в стакане газировку, лед, мяту и лайм, заливает все это из темной бутылки и вот так, с мохито в одной руке и бутылку в другой, отправляется прочь.

Рассвет он встречает на крыше одного из небоскребов. Смотрит на краешек солнца, часто моргая — проклятые крокодиловы слезы! — и загадывает: пусть он все-таки проснулся вовремя, пусть. Размытые остатки сна — огонь, крики, чувство падения — тают, как лед в мохито.

...Вечером СМИ захлебываются сообщениями о трагедии. Аё и рад бы не смотреть на донельзя знакомые кадры с обугленными обломками, но об авиакатастрофе говорят буквально в каждом вагоне каждого поезда.

«Это был первый и последний раз, — бормочет Аё, на нервной почве раньше срока сбросивший рога. — Больше никаких стрессов и всего такого. Займусь йогой. Буду медитировать по утрам и очищать сознание перед сном по древним китайским методикам. Каждый день, каждый божий день...»

И прокликает дурную наследственность.

— Ты ведь знаешь, что случится, если вызовешь меня в третий раз? — уточняет Аё у Никиты.

Никите четырнадцать. Он худ, нескладен и все так же огненно-рыж. Под глазом наливаются фингал, губа кровит, и Никита ее то и дело трогает языком.

— Ага, знаю. Ты навечно заберешь мою рожу. Но я ж не дурак тебя в третий раз звать!

Мешковатые камуфляжные штаны на три размера больше на Никите удерживает только широкий ремень, но сильнее всего Аё раздражает дурацкая кепка с модным плоским козырьком. И взгляд исподлобья. Взгляд молодого волчонка.

— И куда смотрят твои родители? — риторически вздыхает Аё.

— Ты мне нянька, что ли? — тут же огрызается Никита и снова облизывает губу. — Никуда они не смотрят. Папа из последней командировки еще краше приехал. Ну, то есть официально-то он в отпуск с друзьями ездил, но я ж его знаю. И вообще, ты хоть выслушаешь, зачем я тебя вызвал, а?! — Голос у него дает петуха от напряжения.

Аё вздыхает:

— Слушаю.

— Ты девчонку одну найти можешь?

— Здесь, в метро?

— Ага.

— Могу. — Аё вздыхает еще раз.

— Ну так ищи!

Аё молчит. Вызов в Никитином взгляде потихоньку гаснет, и пацан, совсем как четыре года назад, виновато спит. Уже не волчонок, уже смущенный рыжий ежик.

— Ну, это... пожалуйста и все такое, — наконец выдает он. — Мне без нее не жить, ясно?

Аё очень хочет сказать, что это не так, но молчит. Он все-таки монстр, а не фея-крестная. Тем более Никита слишком уж искренен.

— Ну, Аё... Первый и последний раз, ладно? — совсем жалобно просит Никита.

Аё сосредоточенно скребет ногтем правый рог. Простые рога он сбросил два месяца назад, поэтому отросшие им на смену панты уже отчаянно чешутся.

Наконец Аё сдается:

— Идем. — И, взяв Никиту за руку, выходит из вагона прямо сквозь закрытую дверь, на полном ходу.

Отыскать нужного человека Аё несложно, спасибо прадедушке Херну. Пару минут — и вот они с Никитой уже на нужной станции. Девчонка — по-цыгански черноглазая, размалеванная тенями-помадами, как африканский божок, и в юбке такой коротенькой, что даже Аё сглатывает, — целеустремленно бежит по ступенькам перехода.

Аё выпускает руку Никиты, и пацан несется следом.

Догоняет.

Девчонка сначала что-то ему говорит, потом толкает в грудь, вырывается, когда Никита хватает ее за руку... Потом они уже целуются, прямо на ступеньках, не обращая внимания на торопящихся мимо них людей. Кажется, нет в природе той силы, которая оторвала бы этих двоих сейчас друг от друга.

Аё сутулится, сует руки в карманы и уходит прямо сквозь стену.

Иногда капля ясновидения, доставшаяся от прабабки, кажется Аё самым дурным наследством, даже хуже тех снов.

А Никита был все-таки слишком искренен.

В тот день Аё совершил непростительную ошибку. Наведаясь на стройку нового участка метро и там обнаружил, что рабочие убрали в три узенькие трубы подземную речушку из тех, в которых монстру с крокодильей головой так здорово валяться и булькать, высывая из воды один только кончик носа.

Пытаясь как-то справиться с разочарованием, Аё испугал парочку рабочих, стянул лицо у старшего инженера, польстившись на его чудесные сомы усы, после чего еще раз напугал все тех же рабочих — уже не рогами и крокодильей мордой, а явлением начальства — и с грустью констатировал, что начальства современные рабочие боятся больше монстров...

Ничего не помогало. Раздражение пухло в груди, как набухают по весне шишки будущих рогов. И так же тянуло, зудело и болело.

Аё три часа отмокал в Неглинке, пытаясь убедить себя, что она куда лучше безымянной речушки с окраины Москвы — тут и глина пожиже, и ржавчины побольше, и аромат аммиака... Ну да, не батюшкин Нил, конечно, но для одного скромного метрошного монстра — в самый раз!.. Но только понапрасну измаялся.

Не помогла и домашняя генеральная уборка с большой стиркой любимых клетчатых рубашек, последнюю из которых Аё глиной как раз и заляпал. Только хуже стало — рубашка не отстиралась, любимое блюдо Аё случайно разбил, после чего уже специально расколотил и комплектную к ней чашку, а пылесосить бросил ровно на середине коридора.

К вечеру Аё так извелся, что все обязательные ритуалы вроде чая с ромашкой и сонат Моцарта вылетели у него из головы. Закутался в плед, свернулся клубком, уткнувшись мордой в специальную обнимательную подушку, порывал немного крокодиловыми слезами (неприятно, но полезно!) и закрыл глаза.

Думал, не заснет, но отрубился как миленький, всего разок прокляв всех современных строителей метрополитена («Что у вас стройка никаких проверок с первого раза не проходила!»).

...Проснулся опять с криком и отчаянной надеждой, что успел, не досмотрел сон до конца, а значит — вроде как и не видел. Вроде как и не сбудется.

На часах около полуночи, обнимательная подушка на полу... а перед глазами все стоит залитое кровью лицо.

— Нет-нет-нет, — бормочет Аё, вскакивая. Торопливо натягивает джинсы и еще сырую рубашку, замирает на секунду, потом вешает на шею крепко закупоренный глиняный сосудик на кожаном шнурке — наследство тетки, но не той двоюродной, о которой не любит говорить, а другой, матушкиной сводной сестры.

Сегодня никакого мохито на крыше. Не до него.

— Давай ты просто спишь дома в кровати, а? — просит Аё того, кто ему приснился. — Пожалуйста! И никуда завтра не пойдешь. И ни за что, ни за что меня не вызовешь!

Но чутье метрошного монстра не дает обмануться и ведет по пустынным в этот час переходам до нужной станции.

Никита здесь — сидит на перилах моста над путями. За два минувших года еще вытянулся, обзавелся усами в три волосинки и шрамом под губой. Штаны все такие же камуфляжные и безразмерные, а вот кепки, раздражавшей Аё в тот раз, больше нет. Вместо нее выбритые виски, колечко в ухе и еще один шрам, ожоговая каракатица чуть ниже виска.

А третий — на запястье.

Аё очень не хотел бы знать, как Никита их получил, но от прабабкиного ясновидения никуда не деться.

— О, ты все-таки пришел, — кивает Никита даже без удивления. — Хотя я как вошел, так сразу же и выскочил, из соседней двери.

— Это не считается, — поспешно говорит Аё, но уверенности в своих словах не испытывает. — Ты меня не звал, я бы почувствовал.

— Но ведь ты пришел?

А взгляд у Никиты пьяный и затравленный.

Не должно быть у шестнадцатилетних парней такого взгляда, не должно, не должно...

— Я... — Аё вздыхает и не договаривает. Чутье истинного монстра умоляет валить отсюда, и поскорее. Но Аё не может. Потому что Никита его все-таки вызвал?

— Зачем? — наконец спрашивает монстр.

— А скажи... когда ты навсегда лицо отнимаешь... что случается с человеком?

— Ничего хорошего, — сердито бормочет Аё. — Я же все-таки монстр, а не фея-крестная.

— А и ладно! — с вызовом в голосе отвечает Никита. — Давай. Хуже уже не будет.

— Ты так уверен? — с тоской спрашивает Аё. В такие моменты он больше всего на свете ненавидит свою природу, доставшуюся в наследство от дикой смеси египетских богов, якутских шаманов, английских призраков, греческих сивилл, балтийских дэйв и еще один Бог ведает кого.

Монстр.

Чудовище.

ФАНТАСТИКА

Тот, кого можно вызвать несложным обрядом... Дважды — себе на пользу. А на третий раз монстр возьмет свою плату.

— Ну? — торопит Никита, и Аё видит — парень боится передумать.

— Зачем? — почти беззвучно спрашивает Аё, оттягивая неизбежное.

Но Никита слышит — и рассказывает. Про ту цыганистую девчонку, про сладость и боль бессонных ночей, про неминуемую расплату и внезапные последствия...

— Ви-ика... — стонет он, качнувшись спиной назад, и Аё торопливо ловит его за плечо. Взгляд у Никиты — напроочь потерявшегося ребенка. — А отец сегодня возвращается, уже вернулся, наверное, и как я ему в глаза посмотрю?! А она не простит того, что я с ней сделал, не простит, Вика, Вика... Мне без нее не жить!

От него пахнет дрянным дешевым алкоголем и еще более дешевыми сигаретами. Он потерян, зол, он боится и цепляется за слова «мне не жить», как за заклинание, которое решит все его проблемы.

Он все так же рыж — как пламя. И кажется, из него-то он и соткан. А кто сказал, что огонь не обжигает сам себя — до боли, до горькой золы?

— Вика, она... Эй, Аё! — спохватывается Никита. — Так что ты ждешь, а?

— Зачем тебе? — повторяет Аё.

— Чтобы меня не было, — отрывисто и зло бросает Никита.

Аё случайно, рефлекторно ловит его взгляд — но и этого довольно.

— Нет-нет-нет, — бормочет Аё, поспешно моргая, но природа берет свое.

«Ты все-таки монстр, Аё, — шепчет она вкрадчиво. — А не фея-крестная...»

Ниточка за ниточкой тянется чужой взгляд, чужое лицо, чужая жизнь. Огненно-рыжие волосы, шрамы, выбритые виски, серёжка в ухе, заросший пирсинг в брови, отчаянные глаза волчонка.

— Смотри, смотри на меня, это не больно, — врет Аё, легонько касаясь пальцем лба Никиты, а другой рукой продолжая держать за плечо. — Глупый человеческий мальчишка, который трижды позвал монстра...

Конечно, Аё не его двоюродная бабушка, всего человека не спрядет, но вот уже в руке рыхлый ком нитей — всего и делов, что собрать их в лицо да надеть. На этот раз — ничего вернуть уже нельзя, так что же переживать о случившемся?

Главное — не смотреть на безликого пацана, замершего на перилах. Выпустить его плечо и отвернуться.

«Это все дурная наследственность, Аё, и никуда от нее не деться».

ФАНТАСТИКА

А потом безликий парень вдруг вслепую сдергивает его руку со своего плеча. Замирает на мгновение в шатком равновесии и, качнувшись, — падает назад. Аккурат перед показавшимся в туннеле последним поездом.

«Отвернись, — колотится у Аё в основании рогов, как у людей колотилось бы в висках. — Отвернись, не смотри, твоя тонкая душевная организация не должна пострадать... Уйди, исчезни, закрой глаза. А то снова приснится чья-то смерть, и...»

«Все уже приснилось», — возражает себе Аё.

И, перемахнув через перила, коршуном падает на Никиту, подхватывает его еще в воздухе — о, потомки египетских божков и английских призраков умеют обращаться со временем и пространством! — и проваливается дальше, сквозь рельсы, сквозь землю, туннели, трубы, все ниже, ниже, до тех древних пещер, куда ни одному смертному хода нет.

Уложив Никиту — ту безликую оболочку, что от него осталась, — на землю, Аё опускается на колени и кладет свою ладонь ему на лоб... на то место, где должен быть лоб.

Слезы текут по крокодильей морде, и Аё впервые думает, что ничего они не крокодилы. Обычные честные человеческие слезы. Человеческие...

Ае хватает глиняный сосудик, срывает с шеи — и замирает.

Теткино наследство, человеческая кровь. Его, Аё, кровь.

Якорь, счастливый амулет, единственное сокровище...

Значит — не будет больше мохито на рассвете и ромашкового чая по вечерам? Не будет сонат Моцарта, клетчатых рубашек и тяжести глиняного сосудика за воротом?

Одни только древние законы, чужие лица и чужой страх. Монстры живут подле людей, но разделяет их незримая грань. И лицо станет личиной, чувства игрой, старые привычки потеряют смысл, а новых и не будет вовсе — к чему монстрам привычки, причуды и слабости?

— Ну и что! — говорит Аё сердито. — Нет уж, «мне не жить» — это не выход, Никит. Люди так не поступают. Поверь, со стороны виднее... Так что будешь жить, будешь как миленький. И разгребать последствия своих поступков. И говорить с людьми. И... просто жить. С мохито, Моцартом и рубашками... ну то есть с чем там захочешь.

Сосудик трескается в руках легко и хрупко, словно первый осенний лед. Кровь стекает по рукам на Никитино лицо — на то место, где оно должно быть.

Вот и сбылось, Аё. Залитый кровью Никита без лица, отчаяние и столь же отчаянная надежда.

Слезы, земля и кровь смешиваются в колдовское зелье — непростая же человек был некогда создан из праха...

Аё лепит. Осторожно и вдохновенно, как гениальный скульптор-самоучка. Гладит пальцами, тянет, мнет, являя из небытия — лицо. Совсем иное, не Никитино. Ведь и

кровь, и слезы — Аё, на одну восьмую самого обычного якутского пацана с совершенно не якутским, разумеется, именем, ибо имя было дано остальным семи восьмым.

...Когда все кончено, Аё встает и поднимает Никиту на руки. Аё рыж и ясноглаз, словно ирландец.

На секунду он замирает, а потом легкими шагами поднимается вверх — сквозь толщу земли, сквозь трубы, туннели и рельсы. Вежливо раскланивается с пожилой горгульей в углу станции, кивает мужчине в обличии совы... или сове в обличии мужчины? Тот провожает Аё понимающим взглядом:

— Одна восьмая?

Аё перехватывает Никиту поудобнее и облизывает порезанный палец. На монстрах, конечно, все быстро заживает, но...

Кровь.

Соленая.

Аё никогда не обращал внимания, что у него тоже, как у людей, соленая кровь.

Но ведь глиняные черепки остались там, под землей, так откуда же... Или все-таки родную кровь ни в какой сосуд не заключить, не запретить, а теткин подарок — всего лишь подарок, напоминание, символ и... подсказка тому, кто еще не понял, но поймет однажды?

— Одна восьмая? — переспрашивает в ответ Аё, но мужчина (или сова?) уже вылетел сквозь потолок станции. Тогда Аё вновь замирает на мгновение — и, приняв решение, поднимается следом и в два счета оказывается на пороге Никитиной квартиры.

Дверь открывает дочерна загорелый — зимой-то! — седой мужчина, в котором Аё сразу узнает Никитины черты лица.

— Чуть-чуть у подъезда разминулись, — улыбается мужчина улыбкой десятилетнего Никиты и вешает на крючок песчаного цвета куртку с незнакомыми шевронами. — Ну, здравствуй, сын. А что... — Он не договаривает.

Аё крепче перехватывает Никиту и просто говорит:

— У моего друга проблемы. Мы ведь поможем ему... пап?

Свойственная истинным монстрам пронизательность и капелька доставшегося от прабабки ясновидения не подсказывают — уверенно говорят: мужчина понял. Понял больше, чем может осознать. Почувствовал тем шестым, седьмым, восьмым чувством — тем самым, будящим за считанные минуты до обстрела, заставляющим пригнуться за мгновение до выстрела, — кто на руках Аё.

— Как его звать-то?

— Никита, — говорит Аё.

И вдруг понимает, что скоро все станет в порядке. Ясновидение ли это или обычная человеческая надежда? В конце концов, можно позвать из Литвы бабу Дэйву. Или тетку из Якутска. Или...

Или даже справиться самому. Вернуть лицо, заставить поговорить с Викой, удержать их обоих от смертельной ошибки, помирить с матерью, научить говорить с отцом...

Можно — все.

Потому что такова уж природа человеческая — делать непростой выбор и за него бороться. И совершать невозможное.

А у Аё, знаете ли, дурная наследственность.

